

Цзянь Чжэнь и представить не мог, что, пытаясь через силу заговорить, получит такую тяжёлую травму. Лишь благодаря отварам, что для него приготовил Верховный Жрец, самочувствие немного улучшилось. Но горы Небесного Бессмертного мира были слишком холодны, и стоило внутреннему холоду, запечатанному в его нефрите, дать о себе знать — время, когда он мог оставаться в сознании на этой ледяной высоте, сразу сокращалось.

Только когда над Демоническим Миром вставало палящее солнце, он иногда просыпался.

И вот сегодня, едва он открыл глаза, как услышал неподалёку болтовню нескольких прислуг-демонов, подстригающих цветник.

— Слыхали? — шепнула одна. — Сегодня на совете Владыка рассердился.

— Конечно. Старейшины подали прошение — хотят, чтобы он выбрал себе невесту и принял супругу.

— Осмелели, надо же...

— Ага, будто они не знают, что Владыка терпеть не может подобные разговоры.

Маленькая травинка на подоконнике, ещё минуту назад дремавшая, при этих словах заметно встрепенулась. Кто же не любит слушать сплетни про своего хозяина? Кто бы подумал, что и Владыку трёх миров может кто-то торопить с женитьбой?

Цзянь Чжэнь даже представить себе не мог, какое лицо в этот момент было у Мозун Дажэна.

Прислуги в алом тихо перешёптывались дальше:

— Ну, старейшины же беспокоятся из-за проклятия. Владыка — обладатель божественного тела. Если у него появится супруга и родится маленький демонический Бог, тогда прочие миры уже не посмеют посягать на наш.

Прислуга с золотистыми волосами, обрезая лишние ветки, добавила:

— Только вот характер у Владыки ледяной. За тысячи лет — ни малейшего интереса к красоте. Если честно... разве что к той горшечной травке на окне он хоть как-то проявляет внимание.

Травинка, мирно грызшая свои мелкие «семечки» сплетен, застыла.

Она и подумать не могла, что разговор внезапно свернёт к ней.

Слуга в алом взглянула в сторону подоконника, усмехнулась:

— Чистая правда. Повелитель с растениями куда нежнее, чем с живыми существами. Жаль только...

Прислуга с золотистыми волосами повернулась к нежно-зелёной, покачивающейся на ветру травинке и мягко сказала:

— Впрочем, ничего страшного. Когда небесная трава примет человеческий облик, кто знает... вдруг она тоже придёт к Владыке по душе и станет нашей королевой?

Цзянь Чжэнь при этих словах так встряхнул листиками, что те едва не слетели.

Кто? Какая королева?

Он? Супруг Мозун Дажэна?

Да это же... да это невозможно! Пусть тот большой злодей и выглядит прекрасно, но ведь он его всё время обижает!

Однако маленькая травка даже не успела как следует возмутиться.

Прислуга в алом перебила подругу:

— Мечтай дальше. Ты забыла, кто наш Владыка? Единственное божественное тело во всех трёх мирах. Сколько существ мечтают к нему приблизиться — и ни у кого не выходит. Да он в жизни не посмотрит на травинку, которой и тысячи лет не исполнилось.

Цзянь Чжэнь: «...»

Это что, мода такая — унижать траву прямо ей в лицо? У неё, между прочим, тоже есть чувство собственного достоинства!

Кому вообще нужно ваше «божественное тело»?!

Вот дождётся, когда он обретёт человеческий облик — возьмёт да и выйдет за Дажэна, родит ему двойню маленьких демонических богов — и пусть вам всем станет страшно!

Травинка негодовала в душе изо всех сил.

Он ещё внутренне возмущался, когда вдруг чья-то тень упала на подоконник. Никто и не заметил, когда Владыка оказался рядом. Он посмотрел вниз, опустив ресницы, и негромко сказал:

— Снова говоришь про меня гадости в своём маленьком сердце?

Травинка на подоконнике вздрогнула всем стебельком. Да она же чуть не умерла от страха!

Мозун Дажэн, глядя на её виноватую, смятую «физиономию», чуть приподнял бровь и лениво произнёс:

— Значит, правда.

Цзянь Чжэнь ещё даже не успел как следует испугаться, а две маленькие служанки, подстригающие цветник неподалёку, уже пришли в ужас. Они выронили инструменты, рухнули на колени и дрожащими голосами взмолились:

— Виноваты! Просим Владыку пощадить!

Луч солнца падал на величественный чертог, скользил по красным кирпичам и зелёной черепице, а бронзовые ветровые колокольчики издавали хрустальный, прохладный звон.

Травинка на подоконнике осторожно, по-домашнему ласково, тёрлась листочками о его пальцы.

Из-за солнца лицо мужчины в тёмных одеяниях было почти не различимо. Голос Мозуна Дажэна прозвучал ровно, без единой эмоции:

— Ступайте принять наказание. Я не желаю видеть вас здесь снова.

Служанки, бледные как мел, тут же припали к полу, благодаря его за милость. Хоть наказание и будет хуже смерти, но им подарили жизнь — а это уже величайшее благодеяние. Они поспешно откланялись.

Цзянь Чжэнь проводил их взглядом.

Пальцы Мозуна Дажэна легко обвили его тонкие веточки.

— Успокоился?

Цзянь Чжэнь смущённо взмахнул нежно-зелёными листочками. Он просто не хотел, чтобы две девушки, столько времени заботившиеся о цветнике, погибли из-за пары неосторожных слов.

Мозун Дажэн, увидев его такую трогательность, криво усмехнулся:

— Размяк.

Цзянь Чжэнь непонимающе посмотрел на него.

— У тебя слишком мягкое сердце. Когда-нибудь из-за этого и пострадаешь. — Его алые глаза холодно блеснули, будто он озвучивал не мнение, а неумолимый закон мира. — Впрочем, даже если я скажу это тебе тысячу раз, толку мало — всё равно не запомнишь.

Цзянь Чжэнь: «...»

Он вообще-то не глупый!

Мозун Дажэн, глядя на крохотную травинку в горшке, протянул руку:

— Сегодня я отведаю тебя в одно место.

Последние дни, из-за травмы, Цзянь Чжэнь едва мог даже принять духовный облик. Но стоило тёплой, мягкой, как солнечный свет, демонической силе Мозуна Дажэна наполнить горшок, как силы снова расправились в теле. Легко, почти без усилий, Цзянь Чжэнь собрал духовную форму и вспорхнул к нему на руки.

Это заняло всего мгновение.

У ушей зашумел ветер. Когда он вновь открыл глаза, мир уже изменился.

— Прибыли, — сказал Мозун Дажэн.

Цзянь Чжэнь выскользнул из его объятий — и изумлённо взлетел. Перед ним раскинулась невиданная красота: высокая гора, край облачного обрыва. Восходящее солнце разрывает туман, и оранжевые волны облаков, как морские, перекатываются в небесах. Стоя здесь, казалось, будто весь мир лежит под ногами. Так близко к облачному морю и к утреннему свету... Золотистое сияние проливается сверху, лаская, словно тёплый весенний ветер.

Чистая духовная энергия кипела в воздухе. Цзянь Чжэнь, не удержавшись, закружился в

воздухе пару раз.

Мозун Дажэн стоял у самого края обрыва.

— Мне сказали, что твои каналы закупорены, и тебе нужно подпитать культивацию силой мира. Это — Ваньюнь Я, обрыв, ближе всего расположенный к Небесам вне облаков. Здесь самая густая духовная энергия во всём Демоническом мире. Тебе это пойдёт на пользу.

Цзянь Чжэнь никогда в жизни не видел ничего подобного.

С того самого момента, как он обрёл сознание, он почти не покидал свой горшок. Смотрел на крошечный квадрат неба и только воображал, каким может быть внешний мир. А теперь, глядя на бурлящее облачное море и небеса, залитые зарёй, он чувствовал лишь счастье и тихое, глубокое удовлетворение.

Мозун Дажэн стоял у края обрыва, и ветер, проносясь мимо, трепал его тёмные одежды, заставляя ткань шелестеть.

Устав, Цзянь Чжэнь лёг на его плечо.

Мозун Дажэн скосил взгляд на его немного обмякший вид и негромко спросил:

— Что с тобой?

Цзянь Чжэнь, неуверенно покачиваясь, смотрел вдаль на облака. Ну правда... он ведь в самом деле та самая неопытная, слабенькая травинка, про которую говорили прислуги. Всего лишь увидел красивый вид — и уже поражён до глубины души.

— Думаешь о словах тех прислуг? — внезапно сказал Мозун Дажэн.

Маленький дух травы подпрыгнул, ошеломлённо уставившись на него. Ну отчего же он такой проницательный? Неужели и правда умеет читать мысли?!

Мозун Дажэн снял его с плеча, держал в ладони, как ничего не весящее существо, и спокойно пояснил:

— У тебя всё написано на лице. Никаких техник и не нужно.

Цзянь Чжэнь: «...»

Неужели он правда настолько прост для понимания?!

Солнце над Ваньюнь Я сияло ярко и слепяще. В тишине прозвучал голос Мозуна Дажэна:

— Не обращай внимания на чужие слова. Пусть ты и слабенький, ничем не примечательная травинка — но в моём сердце ты никогда не быть ничтожным.

Цзянь Чжэнь на миг опешил. Ему прежде никто таких слов не говорил. Он... боялся, что тот переживает, будто он начнёт комплексовать?

Откуда-то изнутри поднялось тихое, прозрачное чувство — похожее на нежное волнение.

Но насладиться им он не успел.

Мозун Дажэн опустил взгляд, и в его красных глазах сверкнула уверенная, дерзкая гордость истинного Владыки:

— Потому что ты — трава, выращенная мной. А значит, по определению — самая ценная во всём этом мире.

Цзянь Чжэнь: «...»

Вот он и знал!!!

Ветер на Ваньюнь Я трепал горные склоны. Человек и травинка тихо сидели на краю обрыва, пока солнце к полудню не ушло за склон. За день, проведённый в тепле, маленькая травка полностью прогрелась — холод в теле рассосался.

Мозун Дажэн в это время медитировал, приводя силы в порядок. И когда Цзянь Чжэнь взглянул на него, солнечный свет мягко ложился на его профиль. С закрытыми глазами мужчина выглядел совершенным — как идеальное творение. Без опасного блеска красных глаз, без тяжёлой, подавляющей ауры он казался просто красивым, зрелым мужчиной — почти безупречным.

Неудивительно, что прислуги говорили, что несчётное множество существ стремится к Демоническому Владыке.

Его лицо одного стоит.

Цзянь Чжэнь уставился на него, задумавшись... и неожиданно наткнулся на раскрытые глаза Мозуна Дажэна. Тот смотрел прямо на него. Красные зрачки были острыми, проникающими насквозь.

— Нравлюсь? — тихо спросил он.

Маленький дух травы в первый порыв хотел кивнуть... но разум вовремя одёрнул его. И он поспешно замотал головой.

Мозун Дажэн, наблюдая за этим круглым, слегка глуповатым существом, мягко выгнул уголок губ. Затем поднялся.

— Пойдём.

Цзянь Чжэнь всё же было немного жаль — после того, как он наконец увидел бескрайний, свободный мир, снова возвращаться в свой крохотный цветочный горшок... как тут не загрузить маленькой травке? Но, к его удивлению, в следующий миг перед глазами возник вовсе не знакомый дворец.

Перед ним вырастали стены Могорода.

Мужчина, перенёсший его сюда с гор за одно мгновение, даже дыхания не сбил. Спокойно переступив границу, он вошёл в город.

Цзянь Чжэнь видел этот город лишь сверху, с небес, но за последние сто лет ни разу не спускался. Могород, раскинувшийся у подножия дворца, был самым шумным, самым оживлённым центром демонического мира — особенно сейчас, когда шли праздничные торжества.

Стоило Мозун Дажэну войти в город, как к нему тут же начали подходить демоны:

— Ваше Величество!

— Приветствуем Владыку!

— Прогуливаетесь, Ваше Величество?

— У нас свежие огненные лунные плоды, Ваше Величество хотите попробовать?

Хоть в трёх мирах и ходили слухи, будто Бог Демонов Мозун Дажэн — жестокий и кровожадный, сеющий вокруг один лишь страх, его подданные вовсе не дрожали перед своим повелителем. За сто лет Цзянь Чжэнь ни разу не видел, чтобы Мозун Дажэн убил кого-либо без причины.

Так один демон и одна травинка без цели бродили по улицам.

Пока взгляд Цзянь Чжэня не зацепился за небольшой лоток неподалёку. Хозяин громко зазывал прохожих:

— Годовые предсказания! Гадание на удачу! Пусть новый год будет счастливым и благополучным!

Цзянь Чжэнь никогда не участвовал ни в чём подобном, и любопытство тут же накрыло его волной.

Заметив, как маленький дух-травинка на его плече возбуждённо затрепетал, Мозун Дажэн неторопливо направился к лотку.

Торговец, увидев его, едва не выронил из рук связку жребиев, слова у него запутались:

— Г-господин Мозун!

Мозун Дажэн слегка кивнул:

— Один жребий.

Торговец поспешно протянул ему бамбуковый цилиндр. Но стоило Мозун Дажэну протянуть бледную, длинную руку, как весь сосуд начал дрожать и жалобно скрипеть, так что торговец едва удержал его.

Повторил попытку — то же самое.

Третья — снова.

Наконец торговец, чуть не плача, выдавил:

— Ваше Величество, вы... вы ведь Бог. Божественное предназначение нельзя гадать так просто. Прошу вас...

Мозун Дажэн убрал руку. Впрочем, такие игры его и не интересовали — он никогда не верил в судьбу. Но, обернувшись, увидел, как маленький травяной дух смотрит на него огромными «глазами», полными жгучего желания — самому-то взять жребий он не мог, увы, в своём духовном состоянии... Вид у него был настолько жалкий и умоляющий, что Мозун Дажэн почти слышал беззвучное: «Ну пожалуйста...»

Он поднял взгляд:

— Раскрой все жребии и разложи на столе.

Торговец не понял, зачем, но перечить Владыке и не думал — аккуратно развернул все жребии и положил их надписями вниз.

Мозун Дажэн наклонился к своему спутнику:

— Выбирай.

Цзянь Чжэнь и мечтать не мог, что ему действительно разрешат вытянуть жребий! Маленькое облачко радости подлетело к столу, поколебалось пару секунд и опустилось на один из жребиев. Подумав, дух оставил его себе — а затем слетел в дальний уголок, выбрал ещё один и подтолкнул его к Мозун Дажэну. Всего две штуки.

Торговец, конечно, видел, что таблички сами выехали вперёд — от невидимого духа.

Сделав своё дело, Цзянь Чжэнь тяжело «дышал», осев на месте, маленький зелёный росточек на макушке дрожал от нетерпения. Он с надеждой смотрел на Мозун Дажэна.

Тот поднял предназначенный ему жребий и протянул торговцу:

— Толкуй.

Торговец взглянул, прочёл вслух:

— «Красный фонарь бросает двойную тень...» Поздравляю, Владыка, это знак великой радости. В наступающем году — звезда любви, предвещает брак!

Мозун Дажэн чуть приподнял бровь. За тысячелетия он ни разу не воспылал к кому-либо чувствами — о браке и речи быть не могло.

Торговец, поняв несостыковку, неловко хихикнул:

— Э-э... предсказания всё же вещь относительная. Обычно это просто хороший знак, не больше. Вам не стоит придавать этому значения, Ваше Величество.

Мозун Дажэн опустил взгляд на маленького духа:

— Невероятное. Пойдём.

Но Цзянь Чжэнь услышал только «большая удача». А ведь он мечтал однажды обрести человеческий облик! И если ему выпадет большая удача — вдруг это поможет достижению заветной формы? Поэтому он отчаянно подпрыгнул, всем видом выражая своё беспокойство: я

тоже хочу большую удачу!

Мозун Дажэн посмотрел на него, и, когда маленькая травинка почти закипела от нетерпения, поднял второй жребий и передал торговцу:

— Толкуй.

Тот растерялся — зачем Владыка дважды гадает? Но спорить не стал. Вскрыл жребий... и его лицо заметно изменилось.

Цзянь Чжэнь напрягся, даже «дышать» перестал.

Когда торговец долго молчал, Мозун Дажэн прищурился:

— Что, большая неудача?

— Н-нет, что вы... — затряс головой тот.

— Раз не неудача, чего мямлить? — тихий голос давил, как гора. — Толкуй.

Под таким взглядом торговец только сглотнул и выпалил:

— «Золотая птаха садится на иву...» Э-э... это знак благой беременности. Кто вытягивает его, считается невероятно удачливым! Говорят, в течение трёх лет можно и двойню понянчить — сплошные счастливые знаки!

Повисла тишина.

Мозун Дажэн перевёл взгляд на маленького духа, застывшего, как пророщенное зёрнышко в ледяной корке, и лениво приподнял бровь:

— Что, так и не отошёл от того духа-акации, а?

Цзянь Чжэнь: «...?!»

Он ни в чём не виноват!!

<http://bllate.org/book/12641/1121218>